

Глава 13. За Месяцем миазмов раскинутся четыре диких поля

— Эй, эй, эй, — затрясся Цзо Юэшэн, всё ещё неся на себе Е Цана. — Молодой господин Цю, вы только не поддавайтесь на его мелкие любезности! Посмотрите на небо, разве порядочный человек будет так драться?

Лу Цзин, бледный как полотно, согласно закивал.

Их зрения не хватало, чтобы разглядеть детали битвы на огромной высоте, но сражение уже заставило всё ночное небо бурлить. Неважно, много или мало было на нём тридцати шести звёзд — их просто не стало видно.

Совершенно!

Шестиглазый красноликий бог войны, каждым движением руки и ноги источая золотое сияние, залил половину неба расплавленным золотом — настоящий священный свет, озаряющий всё вокруг. Его противник, Жрец-оракул, напротив, взмахивал клинком и рукавами, проливая кроваво-красные потоки. Вторую половину неба заполнил мрачный, зловецкий ветер, будто сотни миллионов душ скорбели и рыдали в унисон.

Разница между добром и злом была очевидна.

Если бы они не пережили это сами, кто бы поверил, что они так долго находились рядом с таким «свирепым божеством»? И даже осмелились потревожить этого безжалостного человека из-за какой-то нефритовой подвески?

— Жертвоприношение продолжается, — Цю Бодэн опустил бумажный фонарь, освещая им идущих шаг за шагом марионеток. — Он лишь следит за тем, чтобы ритуал не был прерван призванным «вышним божеством». Настоящий жрец, проводящий ритуал, скрывается в тени. Он и есть истинный кукловод.

Сказав это, он посмотрел на Лоу Цзяна.

— Ты тоже догадался.

Лоу Цзян с непроницаемым лицом кивнул.

Он сказал это, чтобы успокоить Цзо Юэшэна и заодно обмануть этих избалованных наследников... чтобы они, узнав о скрытой в тени ещё большей опасности, не испугались до смерти и не стали обузой в и без того трудном побеге. Лоу Цзян думал, что этих бездельников, чей самый большой кризис в жизни сводился к порке от старших, легко обмануть. Но Цю Бодэн оказался на удивление проницательным.

Впрочем, поступок Лоу Цзяна был мудрым.

Едва Цю Бодэн договорил, как Лу Цзин со свистом прижался спиной к стене, в ужасе озираясь по сторонам, словно за каждым углом прятался зловещий кукловод.

— Если боишься, торопись! — раздражённо бросил Лоу Цзян. — Ритуал только начался, и всяким демонам и призракам пока не до нас. Если хочешь обмочиться, то потерпи до тех пор, пока не выберемся.

Цю Бодэн стоял на стене, откуда открывался более широкий обзор. Пока Лоу Цзян говорил, он краем глаза заметил в темноте в глубине переулка что-то длинное, змееподобное, бесшумно скользящее вдоль основания стены, в тени, куда не доставал свет факелов.

— Сзади!

Цю Бодэн прервал Лоу Цзяна и рефлекторно потянулся к мечу.

Меч Тайи, хоть и любил злорадствовать и время от времени подкалывать его, в решающие моменты всегда был надёжен. Но на этот раз, когда Цю Бодэн попытался вытащить его, он почувствовал, будто меч прирос к ножнам, став невероятно тяжёлым. Его сердце ёкнуло, и он внезапно кое-что вспомнил.

Ранее, на дереве фу, как только появился шестиглазый красноликий бог войны, меч Тайи силой стащил его с дерева!

Едва прозвучал крик Цю Бодэна, как тёмная тень, скользившая вдоль стены, резко метнулась вперёд, устремляясь к Лу Цзину, который был ближе всего к стене. Движение было подобно броску огромной змеи.

Дзынь!

Посыпались искры.

Лоу Цзян ударил мечом по длинной тени, отбросив её на землю.

Едва коснувшись земли, она тут же метнулась к спине Цзо Юэшэна и, сократившись, молниеносно атаковала его. Цзо Юэшэн в панике изо всех сил ударил дубинкой. Дубинка попала в тень, но отдача была такой сильной, что его ладонь онемела, и дубинка вылетела из рук. В то же время Цзо Юэшэн почувствовал, как его плечо стало легче — Е Цана, которого он нёс, утащили.

— Плохо! — крикнул Лоу Цзян.

Нападение на Лу Цзина было лишь отвлекающим манёвром, истинной целью тени был Е Цан, находившийся без сознания!

Как только Е Цан был схвачен, тень, словно до предела натянутая и внезапно отпущенная резинка, резко рванулась назад, вглубь темноты — в том направлении, откуда они только что пришли, к центру города, где находился главный корень дерева фу! Туда же сейчас направлялись все безвольные жители города!

— Все на стену!

Цю Бодэн бросил попытки вытащить меч Тайи и крикнул остальным.

Цзо Юэшэн инстинктивно хотел броситься в погоню, чтобы спасти Е Цана. Лоу Цзян, не говоря ни слова, схватил его и Лу Цзина за шиворот и, держа по одному в каждой руке, как цыплят, запрыгнул на стену.

— Что это было? — спросил Лу Цзин.

— Кажется... — Цзо Юэшэн, только что столкнувшийся с тенью лицом к лицу, неуверенно произнёс, — ...корень дерева?

— Не корень, — лицо Лоу Цзяна было мрачнее тучи. — Это муло.

— Что?

Цзо Юэшэн и Лу Цзин спросили в один голос.

Выражения их лиц были весьма красноречивы: они оба, вероятно, подумали о том, как совсем недавно карабкались по этим самым муло, чтобы залезть на дерево фу.

— Чёрт возьми, разве Е Цан не говорил, что эти муло — какой-то там священный договор? — Цзо Юэшэн был ошеломлён, не в силах сосчитать, сколько раз за эту ночь он балансировал на грани жизни и смерти. — И что за тысячи лет жрецы и жрицы всегда взбирались по ним на дерево фу, чтобы петь хвалебные гимны и вязать узлы, и что если идти по ним, то не потревожишь живых существ на дереве.

— Как выглядит шёлк душ?

Цю Бодэн обернулся, глядя на возвышавшееся вдали серое дерево, и вспомнил муло, обвивавшие древнее дерево фу.

— Как угодно, — дал неожиданный ответ Лоу Цзян. — Хотя шёлк душ «выращивают», он не является растением. Семя шёлка душ — это на самом деле... тайное искусство! С помощью крайне жестокого ритуала человека замучивают до смерти, его душу превращают в семя и сажают в растение, принадлежащее к стихии инь. Неупокоенность и злоба мёртвой души начинают расти в корнях, словно тончайшие нити.

— Неудивительно, что даос Сюаньцин, услышав, что кто-то продаёт семена шёлка душ, пришёл в ярость и назвал это «бесчеловечным деянием», — сказал Цю Бодэн.

Так вот откуда берётся шёлк душ.

— Тени! Тени! — Лу Цзин, дрожа, указал на улицу внизу, прерывая разговор Цю Бодэна и Лоу Цзяна. Он чувствовал, как волосы у него на голове встают дыбом. — Посмотрите на их тени!

Мужчины и женщины, старики и дети с факелами в руках шли вперёд, к центру города, к дереву фу. Но в этот момент их тени, отбрасываемые назад, все как одна повернули головы и смотрели в сторону улицы, в их сторону! Когда их взгляды обратились к ним, тени на земле начали искажаться, словно готовы были в любой момент вырваться из-под земли и наброситься на них.

Лоу Цзян инстинктивно приготовился к бою, но зловещие тени не двигались.

Они чего-то боялись.

Света.

Света, исходившего от бумажного фонаря в руках Цю Бодэна!

— В «Записках о путешествии на юг» говорится, что Цю Минцзы, прибыв в город Фу, увидел, как «резвятся дети, группами по трое и пятеро, на ветвях и под деревьями, развешивая цветные ленты и фонари, и люди радуются вместе с деревом», — остальные подошли ближе, и Цю Бодэн, подняв фонарь, с лицом, холодным как вода, посмотрел на тени, которые жаждали напасть, но не смели приблизиться. — А триста лет назад старый городской оракул под предлогом «благопристойности» запретил посторонним взбираться на дерево фу. Триста лет — достаточно, чтобы вырастить в муло столько шёлка душ?

— Достаточно, — процедил сквозь зубы Лоу Цзян. Следя за тем, чтобы остальные не выходили за пределы света фонаря, он повёл их на юг. — Ты подозреваешь старого городского оракула?

— Ты видел А Жэнь из семьи Лю? — вместо ответа спросил Цю Бодэн.

Пока они говорили, группа проходила мимо большого поместья семьи Лю. Господин Лю, управляющий в синей одежде, служанки, слуги... все, как и остальные, высоко держали

факелы и безвольно шли вперёд.

Отсутствовала лишь «небесная дева-жрица», А Жэнь!

Цзо Юэшэн пробормотал:

— Е Цан когда-то был самым одарённым в Ведомстве городских оракулов. Старый городской оракул говорил, что не пройдёт и десяти лет, как он сможет установить связь с духом дерева фу и понимать его волю.

Но самый одарённый Е Цан из-за нарушения запрета был изгнан из Ведомства.

А право изгонять жрецов и жриц было только у старого городского оракула.

— Я подозревал его, — сказал Лоу Цзян, — но он тоже мёртв!

— Мёртв? — Цю Бодэн нахмурился и резко остановился. — Ты уверен?

— Уверен, — твёрдо ответил Лоу Цзян. — Я всё время следил за ним. Сегодня, когда я был в Ведомстве, я специально осмотрел тело. Это был сам старый городской оракул, без сомнения.

— Следил за ним? — усмехнулся Цю Бодэн и покачнул фонарём. — Столько глаз вокруг, весь город уже давно превратился в театр марионеток. Это ты следил за ним или он за тобой?

Лоу Цзян замер. Холод, подобно змее, прополз по его спине.

Он понял, что Цю Бодэн прав.

До самого последнего момента он пребывал в заблуждении... Он считал, что его миссия по расследованию утечки шёлка душ в городе Фу была тайной. Но когда целый город уже давно превратился в марионеток, что бы он ни делал, всё происходило под наблюдением бесчисленных глаз. Более того, история с одержимостью юной госпожи Лю, скорее всего, была тщательно подстроеной приманкой для него. А раз так, то даже если он видел тело собственными глазами, действительно ли старый городской оракул мёртв?

Сети были расставлены повсюду, и единственным, кого противник не учёл, был Цю Бодэн.

Никто не ожидал, что на расстоянии десятков тысяч ли маленький предок-наставник школы Тайи в одиночку, прихватив с собой главную святыню школы, внезапно явится в город Фу.

— Господин Лу, — Лоу Цзян резко повернулся к Лу Цзину, — а ты зачем приехал в город Фу?

Лу Цзин вздрогнул от его свирепого вида:

— Я... я... я приехал сюда, потому что слышал, что здесь есть десяти тысячелетнее серебряное дерево фу. Серебряное дерево фу растёт только на пересечении иньских и янских энергетических меридианов, а трава возвращения души тоже растёт только в таких местах...

— Так вот почему, — догадался Цзо Юэшэн. — А я-то думал, как ты так легко повёлся!

— Мне тоже показалось это странным, — тихо произнёс Цю Бодэн. — В таком маленьком городе не только есть двухчжановая доменная печь, но и обычный старый кузнец знает способ «небесного огня для плавки железа», и, как по заказу, у него ещё и камень очищения духа имеется. — Говоря это, он слегка улыбнулся, и в мерцающем свете его прекрасные черты приобрели зловещий оттенок. — Говорит, мол, его надоумил старейшина из Небесной ремесленной палаты. К сожалению, он, по своему невежеству, не знал, что у всех людей из Небесной ремесленной палаты есть одна особенность.

— Какая? — подсознательно спросил Цзо Юэшэн.

— У всех, кто родом из Небесной ремесленной палаты, у входа обязательно будет висеть табличка: «Собакам и ученикам Тайи вход воспрещён», — невозмутимо ответил Цю Бодэн.

— Пффф...

Лу Цзин, который до этого был в панике, услышав это, не удержался и чуть не свалился со стены от смеха.

Щёки Лоу Цзяна дёрнулись:

— Ты так много заметил, почему же ты молчал?

— А ты не спрашивал. Кто ты мне такой, чтобы я тебе о каждой мелочи докладывал? Очнись, такой человек ещё не родился, — как само собой разумеющееся ответил Цю Бодэн. — К тому же, я же предупредил вас, что город Фу в опасности.

— ...

У Лоу Цзяна перехватило дыхание, и он вдруг понял, почему даос Сюаньцин предпочёл пожертвовать собой, чтобы призвать вышнее божество, чем спасти эту компанию из города.

Язык этого Цю был просто невыносим.

— Не ссорьтесь, не ссорьтесь, — поспешил вмешаться Цзо Юэшэн. — Лоу Цзян, куда мы бежим? За городом же миазмы, выйдем — тоже верная смерть!

— Даос Сюаньцин установил в городе Фу небольшой телепортационный массив, — с каменным лицом объяснил Лоу Цзян. — Его можно использовать только один раз. Если бы вы не шлялись где попало, уже были бы в безопасности.

Цзо Юэшэн и Лу Цзин сжались, чувствуя, что в словах Лоу Цзяна сквозит убийственное намерение.

Цю Бодэн, как ни в чём не бывало, сжимал в руке на удивление тихий меч Тайи, не обращая никакого внимания на холодную ярость Лоу Цзяна. Он всё ещё думал о том, что произошло, когда он спускался с дерева фу. Если это не было его воображением, то в тот момент, когда призванный даосом Сюаньцином бог войны открыл глаза, он, кажется... хотел посмотреть в его сторону?

Он не был уверен.

Потому что потом он ничего не видел.

— Пойдите, — Цзо Юэшэн вдруг указал рукой назад, — смотрите!

Цю Бодэн обернулся и увидел, что в городе начался пожар. Огонь, словно красная змея, полз по крышам, быстро разрастаясь. Серебряные, как снег, листья дерева фу колыхались в огне, но не могли остановить его. Огонь вот-вот должен был перекинуться на само дерево, как вдруг тысячи и тысячи больших и маленьких тёмных теней сорвались с дерева и устремились вниз.

Это были птицы!

Птиц было ещё больше, чем тех, что напали на них. Они собирались в стаи, кружили и снова и снова бросались на огонь, подбиравшийся к дереву фу. Шум их крыльев в этот миг заглушил даже грохот битвы в небе.

Стаи птиц кружили, словно мотыльки, летящие на огонь.

Все замерли.

В этот момент с четырёх сторон — с востока, запада, севера и юга — раздался звон колоколов!

Звон гулко разнёсся по небу и земле, он был таким мощным, таким тяжёлым, что окутал весь город бронзовым криком, словно вырвавшееся наружу сердцебиение земли, словно он мог донестись на сотни, на тысячи ли в дикие поля. Услышав этот звук, все, кроме Цю Бодэна,

побледнели.

— Колокола на городских воротах зазвонили! — вскрикнул Цзо Юэшэн. — Что происходит?!

Четыре колокола.

Цю Бодэн вдруг понял, почему остальные так побледнели.

На воротах каждого города висел медный колокол, называемый «колоколом четырёх сторон».

Этот колокол звонил лишь раз в год, и его звон означал, что месяц миазмов прошёл, и четыре диких поля очистились, что тьма отступила, и мир вернул людям плодородные земли.

Услышав звон колоколов, люди надевали яркие новые одежды и, распевая древние хвалебные гимны, рука об руку, в радостном танце, устремлялись к городским воротам, чтобы встретить «светлый месяц», месяц сева. Город Фу, этот маленький город с населением чуть больше ста тысяч человек, должен был под этот повторяющийся звон колоколов встречать рассвет за рассветом, очищение за очищением, расти, как дерево фу, понемногу накапливая свой свет. Людей становилось бы всё больше, город — всё больше.

Пока, наконец, он не расцветёт и не станет звездой на небе.

Но этого не будет.

Сейчас был месяц миазмов.

И открытые в месяц миазмов ворота не впустят свет, а поглотят эту ещё не успевшую вырасти звезду.

— Он умирает.

Цю Бодэн тихо сказал мечу Тайи.

Пожар разгорался всё сильнее.

Улицы и дома отражались в огне. Резные коньки крыш, изгибы карнизов — всё это стало костлявым и иссохшим. А ведь днём, когда он бежал по крышам, всё под тенью деревьев было полно жизни.

Теперь же в звоне медных колоколов осталась лишь тишина умирающей звезды.

Ему не нравилась эта тишина.

Ему не нравился такой город Фу.

Остальные не слышали, что говорил Цю Бодэн, потому что со стороны дерева фу раздался хриплый, старческий голос, который разнёсся во все четыре стороны:

— За Месяцем миазмов раскинулись, о-о...

— Четыре диких поля!!!

Городские ворота с грохотом распахнулись.

<http://bllate.org/book/16967/1583251>